

Псковский эпизод в моей жизни (Из воспоминаний)

В Пскове, где не бывал ни раньше, ни позднее, я прожил недолго, лишь один учебный год (с сентября 1940 г. по июнь 1941 г.), и уехал, бросив все, в день объявления войны, чтобы явиться в Ленинграде к месту военного учета. Жил я в Пскове один, впервые без родительской семьи, где рос и воспитывался, впервые под радостным и немного пугающим бременем ответственности за чтение лекций по всем курсам теоретической физики. Впечатлений было множество: и от города, многие места которого я помню, и даже мысленно вижу, правда нечетко, как будто в тумане, и от товарищей по работе, и от общения со студентами, и, конечно, от преподавательской деятельности, в процессе которой во мне неудержимо начала расти горячая любовь к чтению лекций в больших аудиториях, переполненных студентами... Впечатления были живые и в высшей степени симпатичные. Но им не суждено было улечься и закрепиться, так как началась война со всеми ужасами и лишениями, особенно в первые ее годы... Поэтому мои воспоминания о Пскове - мозаика фрагментов жизни - без начала и концов - овеянная какой-то тихой и светлой грустью.

Здание института и его расположение я плохо помню. Смутно помню первый его этаж и кабинет директора (как будто тов. Кокорева), куда был приглашен как-то для какого-то серьезного разговора. Содержание разговора, конечно, не удержалось в памяти. А вот если закрыть глаза и перенестись мысленно в то время, то вижу подтянутого человека среднего роста, сидящего за большим письменным столом спиной к окнам с умным лицом и добрыми глазами...

Второй и третий этажи здания, как мне кажется, я помню гораздо лучше. С площадки широкой и светлой лестницы дверь вела в довольно большой зал в форме прямоугольника, к которому) под прямым углом примыкал коридор. Вход с лестницы и окна в зале располагались по одной из больших его сторон. По другой же его большой стороне и по одной из сто-

рон коридора находились двери в аудитории, из которых я помню лишь некоторые.

И вот, одно из первых сильных впечатлений оказалось связанным именно с этим залом, где в перерывах между занятиями (может быть, только во время большого перерыва) часть студентов с упоением танцевала под мелодии фокстротов, танго и т. п. Нас, воспитанников конца двадцатых и начала тридцатых годов, когда танцы расценивались как вредное буржуазное наследие, очень удивило такое необычное (и странное с точки зрения педагогики) решение проблем отдыха студентов в перерывах между лекциями. Правда, мы к этому как-то привыкли...

Написав "мы" я подразумевал здесь и Л. Н. Курбатова, воспитанника Лен. гос. университета, направленного после аспирантуры на работу в Псковский пединститут на год раньше меня, заведовавшего кафедрой физики в институте в то время. Л. Н. Курбатов и тогда уже был прекрасным физиком-экспериментатором, владеющим основными элементами теоретической физики. Кроме того, он был обаятельным и образованным человеком. Общение с ним доставило мне, как несомненно и многим другим, множество приятных минут... В то время он был целиком поглощен идеей создать (хоть и маленькую) современную лабораторию для молекулярных исследований с тем, чтобы самому вести научную работу и предоставить более подходящий практикум студентам-физикам старших курсов. Вечера он обычно проводил в институт, монтируя рентгеновскую установку, которая использовалась и как источник высокого напряжения в проводимых экспериментах; создавая небольшую стеклодувную мастерскую и работая в ней, выдувая (с редкой виртуозностью) всевозможные элементы широкой гаммы предполагаемых экспериментальных установок и для себя и для работы со студентами... Мне очень нравилось помогать ему немного в такой работе, хотя от теоретика помощь здесь была невелика. Однако все же несколько раз моя стеклодувная работа удостоивалась одобрения такого высокого ценителя стеклодувного мастерства, каким был тогда

Петрашень Георгий Иванович – преподаватель физики ПГПИ в 1940-1941 гг., директор ЛОМИ АН СССР (1957-1977), профессор ЛГУ (1946-2001), доктор физико-математических наук

Л. Н. Курбатов. Жаль, что война не позволила ему довести до конца это очень важное для пединститута дело...

Что же касается наиболее глубоких впечатлений, то они, конечно, были связаны с преподаванием и с общением со студентами. Эта сторона моей деятельности достигла оптимума лишь в послевоенный период (на время работы в Лен. гос. университете (на старших курсах физфака и магмеха), когда приходилось читать (и притом без напряжения) по 2-3 различных лекционных курса в одни и те же дни и когда из года в год у меня одновременно работало до десятка аспирантов и дипломантов. (Тогда мне довелось прочесть по несколько раз следующие полноценные лекционные курсы: 1) и 2) по математической физике для 3-го и 4-го курсов физфака; 3) по электродинамике; 4) по статистической физике; 5) по частной теории относительности и теории тяготения; 6) по теории упругости и, наконец, 7) по теории распространения волн.) В этот период как-то выработалась своя манера чтения лекций - очень эмоциональная, но, по-видимому, удачная, так как она чем-то привлекала (в избытке) сильных студентов...

Однако на 1940 и 1941 гг. приходилось самое начало моей преподавательской деятельности. Лекции и семинарские занятия несомненно я вел "с огоньком" и с глубоким внутренним интересом. Но не думаю, что тогда лекции получались по-настоящему хорошими. Установлению истинной обратной связи со студентами помешала война. Однако именно тогда начала рождаться привычка смотреть во время лекции в лица некоторых (внешне наиболее внимательных и понимающих) студентов, искать и находить в них необходимые свидетельства достаточной доходчивости проводимой последовательности рассуждений, понимания и интереса к излагаемому материалу, равно как и одобрения выбранной манере изложения. Позднее я понял, что подобная форма обратной связи со студентами является совершенно обязательной для истинно хорошего лектора, лектора-артиста (в лучшем смысле этого слова). Убедительным подтверждением такой точки зрения для многих из нас явился пример блестящих и предельно глубоких лекций по различным разделам математики, механики и математической физики акад. В. И. Смирнова, автора знаменитого многотомного "Курса высшей математики". Впечатление от таких лекций навсегда сохранится в памяти всех, кому

выпало счастье хоть однажды их прослушать. В. И. Смирнов внимательно всматривался в лица своих слушателей, улавливал оттенки их выражений и в зависимости от этого выбирал манеру изложения: то ускорял, то замедлял темп рассказа, то повторял рассуждение, акцентируя в нем иные места, то приводил изобретательный пример из своих исследований или истории математики, которую он знал в совершенстве и т.д. и т.п. По лицам слушателей он безошибочно узнавал, чего недостает в проводимых им рассуждениях для того, чтобы суть излагаемого материала была понятна до конца. И он всегда добивался практически всеобщего понимания, различавшегося лишь по его глубине, зависящей, конечно, от личных свойств слушателя... Побочным же следствием обсуждаемой формы обратной связи являлось то обстоятельство, что В. И. невольно запоминал лица многих из своих слушателей-студентов и десятилетия спустя мог безошибочно указать, на каком месте в соответствующей аудитории обычно сидел тот или иной студент... Я же лишь смутно мысленно вижу лица некоторых из моих слушателей-студентов пединститута и почему-то лишь на лекциях по (классической) термодинамике, происходивших, как мне кажется, в аудитории 4. Однако на их лицах как будто также были заметны следы необходимого понимания и интереса к излагаемому материалу, который и мне самому тогда очень нравился.

За 1940-1941-й учебный год, как помнится, мне пришлось прочесть лекции по теоретической механике, термодинамике и статистике, по электродинамике и по началам квантовой механики. Ясно, что молодой (недоучившийся еще) специалист, только что окончивший аспирантуру, не мог в совершенстве владеть материалом всех этих курсов. Поэтому к лекциям нужно было серьезно готовиться, привычка к чему сохранилась и на все последующие годы. По-видимому, тогда не было под рукой всех необходимых книг, вследствие чего к некоторым лекциям часто приходилось готовиться творчески - по памяти, излагая (по-своему) в законченном письменном виде текст всей предстоящей лекции. Уже в Пскове это начало входить в привычку, а в послевоенный период преподавательской деятельности такая форма подготовки к лекциям стала для меня единственной. И она во многом способствовала успехам дальнейшей творческой деятельности в науке как моей лично, так и многочисленных моих учеников...

Еще одно весьма важное качество лектора начало формироваться именно тогда, еще в пединституте. Я имею в виду здесь свойство не бояться допущенных на лекциях (случайно) ошибок и неточностей или в логике рассуждений, или же в излагаемом материале. Ошибки на лекциях всегда возможны, а иногда их даже стоит допустить сознательно с тем, чтобы тотчас же исправить с подобающим (подготовленным заранее) поучением. Ошибок (если они не следствие неградивости лектора) не нужно стыдиться даже тогда, когда они замечены впервые студентами и указаны лектору. Необходимо лишь стараться извлечь из процесса исправления ошибки наибольшую пользу для слушателей...

Вследствие новизны для меня в то время перечисленных выше курсов ошибки в изложении материала, конечно, встречались. И, к счастью, я достаточно скоро понял, что единственный достойный выход из неловкого положения, не наносящий ущерба существу дела, состоит в четком признании совершенной ошибки, в проведении добросовестного анализа хода (ошибочных) рассуждений с указанием места и причины допущенной ошибки и, наконец, в проведении четкого рассуждения, приводящего безупречным путем к правильным результатам. Обычно замеченную ошибку удавалось проанализировать и исправить на той же лекции. Однако иногда приходилось просить извинения у слушателей и переносить обсуждение на следующий раз, если пути исправления ошибки были недостаточно еще ясны... Я не слишком хорошо помню, удавалось ли мне во всей полноте реализовать такую программу в 40-41-м учебном году. Что же касается послевоенного времени, то в период работы в университете сложившийся еще в Пскове подход к исправлению допущенных ошибок пришлось применять несколько раз (правда, в различных курсах и в разное время). И если верить высказываниям многих студентов - очевидцев происшествия, то в таких ситуациях получались в конечном счете наиболее интересные, поучительные и запоминающиеся лекции, а иногда даже и маленькие циклы...

Да, можно со всей определенностью утверждать, что 1940 и 1941-й учебный год работы в Псковском пединституте с имевшимся тогда контингентом студентов старших курсов явился для меня основной школой лекторских навыков на всю последующую жизнь. И я бесконечно благодарен институту с его тогдашним составом преподавателей и студентов (имен

которых, к сожалению, не помню, но некоторые лица мысленно вижу и даже вполне отчетливо) за предоставление оптимальных условий для выработки и формирования основных принципов работы в этой важнейшей области.

Переходя к краткому обзору фрагментов мозаик-воспоминаний, относящихся к жизни в Пскове, естественно упомянуть прежде всего о том, что мне была предоставлена небольшая комната во втором этаже небольшого (комнат на 16-20) деревянного общежития для преподавателей института. Общежитие располагалось на самом берегу реки красавицы Великой, недалеко от Пролома (да и от института), километра на полтора-два выше основного городского моста через р. Великую. Из моего окна открывался изумительный вид на Великую и на какой-то, по-видимому, древний монастырь, расположенный на том берегу непосредственно против общежития, с его невысокой белокаменной стеной (увенчанной двухскатной узенькой крышей), с обособленной звонницей, расположенной параллельно берегу реки чуть-чуть справа, и с несколькими небольшими и невысокими одноколольными церквями... Пустынный противоположный берег реки, безмолвный монастырь и пустынная река, по которой за день проходило всего несколько пароходиков и катеров, вместе с почти не используемой пустынной дорогой на нашем берегу, проложенной перед местами высокой полуразрушенной временем городской стеной (сложенной из известняка, осыпающегося на дорогу) - все это производило впечатление безмолвия, спокойствия и отрешенности от жизни. Сначала это чуть-чуть пугало, но потом все больше нравилось, так как порождало внутреннее спокойствие и располагало к работе.

Подготовка к лекциям требовала много времени, и потому вторую половину дня и вечера я обычно проводил дома, общаясь лишь немного с соседями по общежитию. В комнате рядом с моей жила преподавательница немецкого языка (тов. Горелик), которую я встречал много позднее уже в Л-де. Напротив же жила преподавательница истории (как будто, тов. Виноградова), муж которой служил в то время в Красной Армии, где-то на Карпатах. Все его письма к жене кончались описанием вершин гор с северо-западной стороны, над которыми все более и более сгущались темные зловещие тучи... Она в тревоге показывала нам эти места писем, а мы старались успокоить ее, как могли... Свободные от подготовки к лекциям вече-

ра я проводил в институте, обычно в лабораториях Л. Н. Курбатова. Иногда же смотрел киноленты, прокручиваемые студентами на узкоплечном аппарате института, подчас и в обратном направлении, что всегда вызывало оживление и хохот в аудитории-зале. Именно таким способом я познакомился тогда с несколькими хорошими картинами и начал малопомалу общаться со студентами на неофициальной почве.

У нас могли быть тогда общие интересы в спорте. Я внутренне гордился своим высоким разрядом в сфере лыж и помню, что в шутку обещал студентам ставить пятерки без экзамена всем, кто меня обойдет, например, на "двадцатке". Помню также, что в моей комнате стояли гоночные лыжи, привезенные из Л-да. Но где я ими пользовался в течение зимы и с кем катался - совершенно не помню. Также не помню своих поездок на велосипеде, тоже привезенном из Л-да. Поездки же по Пскову и его окрестностям несомненно совершались и притом часто. Но куда я ездил и с кем - хоть убейте - не помню, правда, кроме одного примечательного случая...

Из своих же спортивных "подвигов" помню лишь случай переплыwania р. Великой за компанию с одним из моих слушателей (вероятно 3-го курса) - с довольно высоким, плотным молодым человеком с простым лицом и чуть рыжеватой гладкой шевелюрой, который был, по-видимому, большим любителем спорта. Собственно говоря, плыть тогда мне совсем не хотелось, так как я только недавно начал купаться и вода была еще довольно холодной. Но нельзя же было посрамить честь Лен. гос. университета (ЛГУ)! В результате, защитит-то честь ЛГУ я защитил, но каким образом выбрался из воды на берег - не представляю! Так сильно меня тогда укачало с неприятки...

И вот, чтобы закончить затянувшийся обзор кусочков мозаик-воспоминаний (которых оказалось в памяти гораздо больше, чем я рассчитывал), приведу еще два анекдотических случая, происшедших в один из первых дней появления - и в последний день моего пребывания в Пскове... В те времена молодые люди мало заботились о костюме и о своем внешнем виде. Нас занимали "идеи": наука, нравственность и построение жизни... И вот приехав в Псков (как помнится, на третьей полке

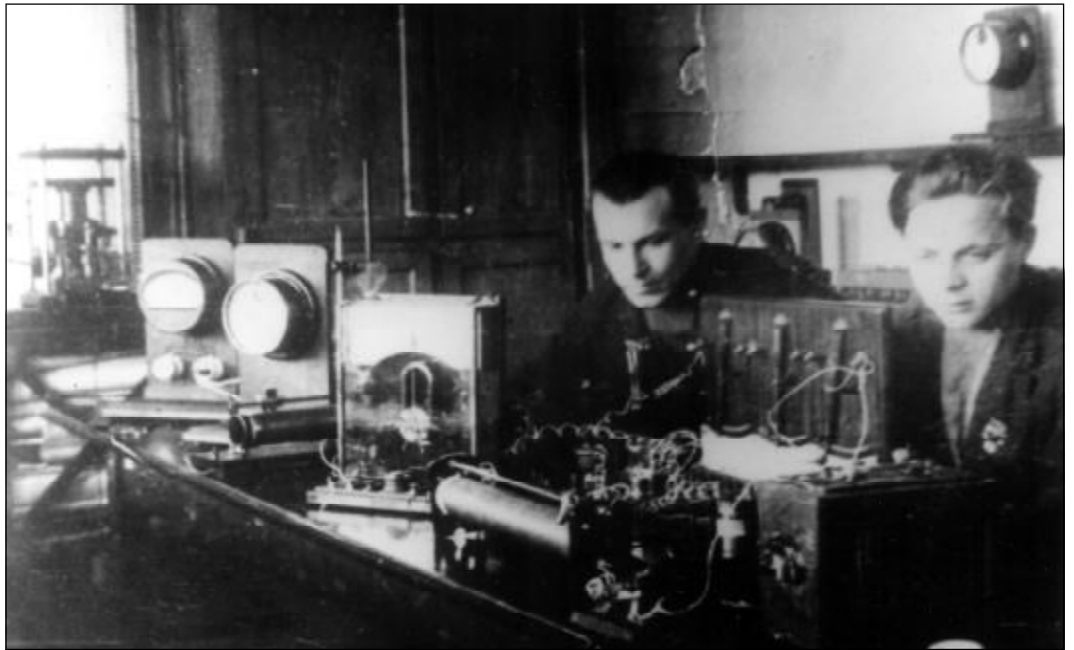
общего вагона), я, вероятно, мало походил на "денди". При неправильном переходе какой-то улицы был остановлен свистком милиционера, за которым последовало: "Вы чего нарушаете!". Я растерялся и, не желая платить штраф, стал говорить о том, что я только-только приехал в Псков. Милиционер окинул меня презрительным взглядом и сказал. "Оно и видно!", после чего отпустил с миром...

А второй случай произошел солнечным утром трагически памятного для всех нас воскресенья, когда мы узнали о начале войны... Не подозревая ничего плохого, в приподнятом настроении духа поехал я на велосипеде на базар, располагавшийся тогда недалеко от Кремля. Там купил хороший кусок мяса для обедов на первые дни недели, положил его как-то на багажник, прижав пружиной, и поехал домой. Приехав же, обнаружил, что нет мяса!!! И тут же узнал о начале войны...

В тот же день вечером я выехал в Л-д к месту призыва. Вскоре был призван в армию; затем был придан военно-исследовательской группе в осажденном Л-де; в конце января 1942 г. эвакуировался в Свердловск; затем снова был призван в армию и т. д. Много тогда было всякого и другого...

И знали бы вы, сколько раз, видя неимоверные страдания людей и близких от голода и холода, я вспоминал об этом так глупо потерянным куске отличного мяса! Как бы оно было кстати тогда...

А вот сейчас невольно вспоминаются пушкинские слова: "Сказка ложь, да в ней намек". Ведь этот анекдотический (но истинный) случай оказался невольной причиной весьма частых воспоминаний о периоде довоенной моей жизни в г. Пскове и притом воспоминаний в такое время, когда жизненные явления воспринимались особенно остро и запоминались надолго... И кто знает, не будь этого куска мяса, картины жизни в Пскове, быть может, и не удержались бы так прочно в моей дырявой памяти. Сейчас же, заканчивая повествование о псковском периоде жизни, вижу, что помню еще многое, и если бы начал писать эти строки снова, то все получилось бы гораздо содержательнее и образнее. При этом, быть может, мне лучше удалось бы выразить всю полноту чувства благодарности и признательности Псковскому пединституту им. С. М. Кирова и его коллективу преподавателей.

В довоенных физических лабораториях.